

В. Ф. Ходасевич

Статьи о русской поэзии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Х69

Х69 **Ходасевич В.Ф.**
Статьи о русской поэзии / В. Ф. Ходасевич – М.: Книга по Требованию, 2013. –
71 с.

ISBN 978-5-458-37295-4

ISBN 978-5-458-37295-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

заменяли ей воспитателей» («Счастливая женщина»). Произведения Шиллера, Байрона, М.Деборд-Вальмор, Жуковского, Гете, Карамзина рано сделали ее мечтательницей. Мир загадочный и романтический пленил ее воображение. Высокие чувства, пылкие страсти, характеры решительные и гордые — все это говорило ей о некоем бытии, прекрасном и полном.

Но дома, в семье, приютившей ее, не в бытии, но в быте, вставала горькая правда действительности, маленькие волнения фамусовской Москвы. Ничтожество модничанья бабки, сплетни теток — все это рано научило Додо противопоставлять скудную ее жизнь прекрасному и полногласному миру, созданному в ее воображении поэтами.

Еще двенадцати лет Додо сама стала писать стихи. Как водится, своевременно была написана и сожжена первая подражательная поэма «Шарлотта Кордэ». Ни эта поэма, ни ранние стихи, кроме одного французского экспромта, до нас не дошли. Вероятно, это были более или менее восторженные «мечты неопытной души» о чем-то неопределенно высоком и неопределенно героическом.

II

Зимой 1828 года произошло в жизни Додо событие, вообще важное в жизни ее современниц, а для нее ставшее даже роковым: это был тот «первый бал», «первый выезд», о которых так много писалось в былых романах. С этого дня Додо посвящена «свету». Кончилось детство, и о нем вскоре она уже только вспоминает:

Дни детства, полные страданья,
Неконченных, неясных дум,
Когда в тревожном ожиданье
Мой юный оперялся ум,
Когда в тиши, в уединенье,
Событьем были для меня
Небес вечерние явленья,
И ночи мрак, и прелесть дня.

Теперь, «в осьмнадцать лет», хотелось иных, более реальных, захватывающих событий, хотелось ближе изведать то прекрасное бытие, о котором когда-то так неполно и смутно мечталось.

Стоило у Островского Бобылю подойти поближе к Снегурочке, как на место ее подвертывался корявый леший. Стоило бедной Додо попытаться приблизиться к мечтанному бытию, как на месте его оказывался все тот же быт: «свет», то есть бесконечное множество все тех же бабушек и теток. Но все-таки она знала, что где-то за «светом» есть подлинно прекрасный, воистину светлый мир. Однако не приходил царевич, чтобы расколдовать этот темный быт, спасти Додо от действительности. И ей казалось уже, что лучше умереть:

Дай Бог, чтоб младости, безрадостной,
бесчарной,
Скорее наступил желаемый конец,
И чтобы смерти дух, крылатый, светозарный,
Надел на голову мне маковый венец.

Бедной девочке кажется, будто ей уже поздно мечтать о счастье:

Я верю горю без сомненья,
Но к счастью в сердце веры нет!

Все это ужасно грустно, но так и должно быть. В конце концов, двадцать лет, бабушки и тетки берут свое: Додо не умирает, а выезжает в свет, она не в силах ему противиться, она блистает. Временами ей самой кажется, что «идеал» позабыт:

Я в горний мир не увлекаюсь,
Я песней сердца не пою...
Но к хладу жизни приучаюсь
И уж существенность люблю.
Существенность! Она решенье
Загадки жизни...

Такие мрачные афоризмы пишет Додо Сушкова в 1832 году. Она уже собирается «подписать с мечтой разрыв».

Итак, жить более незачем, героиня побеждена, она слабеет... Самое время явиться живительной «первой любви». И она, конечно, является.

На балах Додо имела чрезвычайный успех. Она была очень красива. Поклонники ее окружали. Немало было среди них выгодных и блестящих партий. Но ведь все же мы знаем, что сердце героини должно принадлежать молодому человеку бедному, хотя и благородному, с чувствами неподдельными, с душою, открытой для всего поэтического и возвышенного. Таким молодым человеком был, кажется, князь Алек-

сандр Голицын. Их первая любовь должна быть несчастна. Может ли героиня любить без препятствий? И в самом деле, бабушка с тетками порешили, что для Додо Голицын не пара. Были, конечно, и слезы, и жалобы, но, в конце концов, Додо покорилась. Она дала согласие богатому и не менее знатному жениху, сосватанному тетками, графу Андрею Федоровичу Ростопчину, сыну знаменитого московского главнокомандующего. Об этом сватовстве кузина Додо, Е.А.Хвостова, рассказывает:

«Свадьба эта сладилась совершенно неожиданно для всех нас и грустно удивила меня. Кузина, за неделю до решения своей участи, писала мне и с отчаянием говорила о своей пламенной и неизменной любви к другому. Но как выразить мое удивление, я не верила глазам и ушам своим, когда меня встретила кузина, не бледная, не исхудалая, но веселая, цветущая, счастливая. Первое ее восклицание было: “Представь себе, Catherine, вся Москва завидует моей участи, моим бриллиантам, а какой у меня будет кабинет! просто игрушечка; жених мой во всем советуется со мной” Мне сделалось невыносимо грустно: неужели, думала я, и мне суждено выйти замуж по расчету?»*

Это было в мае 1833 года, Додо не была героиней трагедии: ей не предстояло умереть, как Джульетте, а предстояло, как героине печальной, банальной повести, сполна изведать «существенность» и действительно подписать разрыв с былыми мечтаниями. Она стала графиней Ростопчиной.

Злые языки говорили, что Додо, которой уж очень не хотелось выходить за Ростопчина, пыталась пойти на компромисс; существует следующий анекдот: за ней усердно ухаживал тогдашний московский лев, князь Платон Мещерский. Однако формального предложения он не делал. И вот будто бы на балу у генерал-губернатора, чтобы толкнуть Мещерского на решительные действия, Додо сказала ему, что, кажется, принуждена будет выйти замуж; на это Мещерский ответил: «Стыдитесь, Додо, с какой целью вы мне это говорите?» Весь анекдот носит характер

* Записки Е.А.Хвостовой, рожд. Сушковой. Материалы для биографии М.Ю.Лермонтова. СПб., 1870 г.

запоздалой светской сплетни: через двадцать семь лет после смерти Ростопчиной автор заметки все еще находит нужным укрыться за псевдонимом: Старушка из степи^{*}. Но можно все же заметить, что достоверно одно: московское общество и тогда уже знало: Додо Сушкова идет под венец не по доброй воле.

Ей предстояло испытать много тяжелого. Брак был несчастлив. Помимо того, что он был заключен без любви со стороны Евдокии Петровны, существовали тому и еще какие-то причины, на которые смутно намекает брат поэтессы, С.П.Сушков, в биографическом очерке, им написанном. Впрочем, он говорит, что распространяться на эту тему «бесполезно»^{**}. Достоверно известно лишь то, что Ростопчин был на три года моложе своей жены, то есть женился девятнадцати лет^{***}, что был он человек с какими-то «странностями», что о жене думал он мало, более времени уделяя то конскому заводу, то собиранию картин, что до 1836 года, когда граф ездил на минеральные воды, детей у них не было. В общих чертах показания эти подтверждает и Л.Ростопчина, дочь поэтессы, в своей «Семейной хронике». Она характеризует отца как гвардейского «шалуна», кутилу, рано истаскавшегося, лысого в 19 лет и проч.

По стихам Ростопчиной можно проследить всю жизнь ее, как по дневнику. Писала она много. Но в собрании ее стихов нет ни строчки, написанной между августом 1832 и январем 1834 года. Вероятно, того, что было написано во время сватовства и в первые месяцы брачной жизни, проведенные в деревне, она не считала возможным печатать. Как бы то ни было, в книгах ее весь этот период отмечен молчанием, и вслед за ним, как вздох облегченной усталости, звучат первые слова следующего отдела:

Подчас, измучившись тоскою,
Тяжелым сном душа замрет,
И много дней своей чредою
Над мертвой время пронесет...
Но если вдруг она очнется...

^{*} Русский Архив, 1885 г., № 10.

^{**} См. «Сочинения гр. Ростопчиной». СПб., 1890 г., т. I.

^{***} Русский Архив, 1868 г., стр. 854: Материалы для полного собрания сочинений и биографии гр. Ф.В.Ростопчина.

III

Подобно Ненскому, мужу «Счастливой женщины», Андрей Федорович не препятствовал жене своей жить, как ей нравится. Поскольку позволяли светские приличия, он не мешал ей. Ростопчина «очнулась» зимой 1834—35 года, в Москве, и, конечно, на бале. В это время, выстрадав, видимо, много и со многим примирившись, писала она какой-то «Прежней наперснице»:

Дитя, вопросами своими,
Молю, мне сердца не пытай!..
Боюсь, что, соблазнившись ими,
Проговорюсь я невзначай..
Нет! Нет! Я гордого молчанья
Навек дала благой обет..
Не лучше ль утаить страданья,
Которым исцеленья нет?..
Не лучше ли предстать на бале
С улыбкой, в полном торжестве,
Чем жертвою прослыть печали
И на зубок попасть молве?
Увидя раннее крушенье
Своей надежды и мечты,
Поверь, — умно искать забвенья
В чаду и шуме суеты.

С этой поры бал окончательно завладел Ростопчиной. Оказалось, что это и есть то место, где так хорошо скрываются причины тоски, где романтические мечтания с волнующей и хрупкой скудостью осуществляются в действительности. Кавалеры в плащах Чайльд-Гарольда, учтиво-красноречивые взгляды, томная струнная музыка, «игра страстей» под маской холодности, рукопожатия, многозначительные и как будто случайные улыбки, разом и обещающие и небрежные, легкие любовные шалости, которые неизвестно еще, к чему приведут, словом, все то, что делает каждый бал немного маскарадом, — все это пленило ее. Бал сделался для Ростопчиной чем-то вроде «искусственного рая», причудливым синтезом быта и бытия, созвучием двух голосов, из которых, говоря ее же словами, один, «обворожив, на небо увлекает», другой «к быту земли приковывает нас».

И вот из-под власти этого очарования она уже никогда не могла выйти. Пленное воображение ее неутомимо создавало образы мучительные и прекрасные. Светская барышня превратилась в даму, все еще не забывающую прежних мечтаний. Пока героиня ро-

мана была девушкой, она свободно и просто тянулась к радости; теперь, когда она сделалась дамой, настало для нее время новых сомнений: мечты о личном счастье столкнулись с законами супружеского долга и со страхом перед так называемой «беспощадностью света». В этих сомнениях, в этой внутренней борьбе, молчаливой и гордой, почерпнула Ростопчина новые страдания, новую боль и радость, новые мотивы для своей лирики.

В старозаветных романах между сакраментальной фразой: «она почувствовала, что готовится стать матерью» — и «первым, слабым криком ребенка» всегда лежит область тумана и молчания. В поэзии Ростопчиной промежуток времени с ноября 1836 до октября 1837 года отмечен таким молчанием и совпадает с беременностью и рождением первого ребенка. Но уже с октября 1837 года, как и в предыдущую зиму, находим Ростопчину в Петербурге.

Здесь ей суждено пережить любовь, уже по всем пунктам обставленную законами бала. Уже ей придется признаваться в «Разговоре во время мазурки»:

Хоть я и говорю: «никто и никогда!» —
Я так неопытна, пылка и молода,
Что, право, за себя едва ли поручусь я.
Мне страшно слышать вас...

Теперь ей снова приходится идти наперекор себе, вновь заглушать любовь, «страшась волнений страсти», и, наконец, после долгих томлений, сказать:

Все кончено навеки между нами...
И врозь сердца, и врозь шаги...
Хоть оба любим мы, но, встретившись друзьями,
Мы разошлись, как враги.

Я шуткою ответила небрежной.
Он встал... во взорах гнев пылал...
В душе, в груди моей был плач и стон мятежный,
Он ничего не увидал!

Он не видал, как сердце билось больно
Под платьем дымковым моим...
Он не слышал страданья вопль невольный
Под женским смехом заказным!

Банальные слова? Верно. Банальная развязка маленького романа? Верно и это. Но какой прекрасной, человеческой болью звучат признанья тех дней! Какие скорбные порывы, какие грустные мысли:

Любовь — то *завтра*, то *вчера*,
Живет надеждой и утратой.

Банальная героиня, банальный гвардейский герой! Но какой вечно прекрасной скорбью разлуки он освящен:

Вы вспомните меня когда-нибудь... но поздно,
Когда в своих степях далеко буду я...
Когда надолго мы, навеки будем розно —
Тогда поймете вы и вспомните меня...
Проехав иногда пред домом опустелым,
Где вас всегда встречал радушный мой привет,
Вы грустно спросите: «Так здесь ее уж нет?» —
И, мимо торопясь, махнув султаном белым,
Вы вспомните меня.

И каким вечным, священным памятником над «могилой любви» останутся тихие слова посвящения, сказанные много позднее, через целых семнадцать лет:

Тебе воздвигнут храм сердечный,
Но милым именем твоим
Не блещет он: под тайной вечной
Ты будешь в нем боготворим.

IV

Не в литературном салоне, не в редакции журнала, а на бальном паркете, под знаком «света» встретила Ростоппина с двумя великими поэтами: в 1829 году, на бале у кн. Голицына, с Пушкиным и около того же времени, у кузин Сушковых, с Лермонтовым.

Первые балльные триумфы Додо совпадают по времени с первыми литературными успехами, впрочем еще не простирающимися за пределы «своего» круга. Изящные, легко написанные, часто импровизированные стихи ее ходят по рукам^{*}; случается, через одного из родственников — Н.П.Огарева, — попадают в кружок Герцена. Друзья, знакомые, университетская молодежь — все остаются довольны свежестью и прелестью таланта. Стихи заучиваются наизусть. Герцен пользуется ими в своих письмах^{**}.

В 1830 году кн. П.А.Вяземский взял у нее стихотворение «Талисман», и оно появилось в *Северных*

^{*} См. Русский Архив, 1865 г., № 7. «Из записной книжки кн. Н.В.Путяты».

^{**} Вестник Европы, 1885 г., № 3, статья Е.С.Некрасовой.

Цветах 1831 года за подписью Д-а*. Для начинающей поэтессы попасть в *Северные Цветы* было весьма почетно. Но бабушка и тетки нашли, что выступления в печати для светской, хорошо воспитанной барышни неприличны, и в дальнейшем стихи Додо стали вновь появляться в журналах только после замужества, подписанные то Гр-ня Е.Р-на, то просто *а*. Зимой 1836 года Ростопчина сблизилась с кружком петербургских литераторов, в числе которых были: Жуковский, Пушкин, Плетнев, Вяземский, гр. Соллогуб. В это время Плетнев писал И.И.Дмитриеву о том, как «московскую Сафо» хорошо приняли в Петербурге, «что довольно редко бывает с новоприезжими, особенно из Белокаменной»**. На собраниях у Соллогуба, куда женщины вообще не допускались, для Ростопчиной делалось исключение***. Стихи ее брались журналами нарасхват. Не только публика, но и писатели ценили их высоко. Несколько позднее, 25 апреля 1838 года, Жуковский писал ей:

«Посылаю Вам, Графиня, на память книгу, которая может иметь для Вас некоторую цену. Она принадлежала *Пушкину*; он приготовил ее для новых своих стихов, и не успел написать ни одного; мне она досталась из рук смерти, я начал ее; то, что в ней найдете, не напечатано нигде****. Вы дополните и dokonчите эту книгу его. Она теперь достигла настоящего своего назначения. Все это в старые годы я написал бы стихами, и стихи были бы хороши, потому что дело бы шло о Вас и о Вашей поэзии; но стихи уже не так льются, как бывало, — кончу просто: не забудьте моих наставлений; пускай этот год уединения будет истинно поэтическим годом вашей жизни»*****

Наконец, в 1840 году Плетнев восторженно уведомил читателей *Современника* о предстоящем выходе книги «Стихотворений Графини Е.П.Ростопчиной», а в 1841 году книга появилась в продаже. Жур-

* Т.е. Дарья Сушкова: судя по уменьшительному имени Додо, Вяземский полагал, что ее, как и ее покойную мать, зовут Дарьей. Псевдоним сочинен им.

** Русский Архив, 1868 г., стр. 653.

*** Соллогуб. «Воспоминания». СПб., 1887 г., стр. 219.

**** Это были девять небольших стихотворений, входящих теперь в состав сочинений Жуковского под общим заглавием: Из альбома, подаренного гр. Ростопчиной.

***** Ростопчина жила в деревне: это была вторая беременность, снова ознаменованная молчанием.

налы встретили ее громкими похвалами. Греч и Полевой хвалили Ростопчину в *Русском Вестнике*, Булгарин — в *Северной Пчеле*; в *Сыне Отечества* Никитенко писал, что «сфера ее идей принадлежит современному поколению: это большею частью тревоги и страдания неудовлетворенного бытия»; Шевырев расточал похвалы в *Москвитянине*. Хвалил книгу и Белинский, но отмечал при этом в поэзии Ростопчиной власть бала и сожалел, что ее думы и чувства не нашли «более обширную и более достойную сферу, чем салон».

С легкой руки его Ростопчина так и перешла в историю русской поэзии поэтессой салонной, бальной. Приговор оказался единственным и окончательным. Слова Белинского повторялись и повторяются до сих пор как неопровержимая истина. Однако при этом упускают из виду, что Белинский, когда писал о Ростопчиной, знал о ней несравненно меньше, чем можем знать мы. Ее поэзия исчерпывалась для него одной первой книгой. О героине романа судил он лишь постольку правильно, поскольку можно судить о ней, прочтя первую главу и не зная последующих. Наконец, как современник, он не мог рассматривать ее поэзию в связи с ее жизнью, а между тем, именно когда дело касается Ростопчиной, это должно приводить к еще большим ошибкам, чем в иных случаях.

Мы уже знаем, чем был в ее жизни бал: в бале она искала и по-своему находила забвение действительности. Но в то же время только в событиях реальной жизни черпала она мотивы своей поэзии. Бал, будучи для нее легчайшей, наименее реальной формой действительности, в то же время доставлял ей переживания наиболее действительные, ибо наиболее волнующие. Чтя в себе два существа, женщину и поэта, она в известном смысле отдавала предпочтение именно женщине: ведь поэт жил в ней, питаясь ее женскими чувствами, мечтаемый рай *бытия* вырастал из корней *быта*. Женщина была несчастна в личной судьбе: поэт создавал из этого трагедию любви. Дама боялась светского осуждения: жалкое чувство. Но поэт умел преобразить его в чувство тайны. Так непрестанно растила она свое большое и главное из своего малого и случайного. Это малое предreshалось жизнью салона и бала; если бы не было женщины, не было бы и поэта. Это плохо? Не знаю, может быть...

Но этому мы обязаны несколькими прекрасными стихотворениями.

Даже в других поэтах для Ростопчиной вовсе было не безразлично, к какому полу они принадлежат. Если это и не сказывалось в ее общих литературных оценках, то в смысле непосредственного, сердечного восприятия стихов она отдавала преимущество женщинам и откровенно в том признавалась:

...женские стихи особенной усладой
Мне привлекательны...

Лучшая оценка ее поэзии была сделана самой Ростопчиной. Я имею в виду собственноручную надпись, сделанную ею на экземпляре «Стихотворений» 1841 года, поднесенном императрице Александре Федоровне и ныне хранящемся в библиотеке Московского Румянцевского музея. Вот полный текст этого документа, до сих пор, сколько нам известно, критиками Ростопчиной не использованного и в печати не появлявшегося:

MADAME!

Ce n'est pas *un livre* — c'est une révélation tout sincère et tout féminine des impressions, des souvenirs, des enthousiasmes d'un cœur de jeune fille et de femme, des ses pensers et des ses rêves, de tous ce qu'il a vu, senti, compris, — enfin, ces pages sont un de ces récits intimes qu'on n'ose confier qu'aux âmes sympathiques, qu'aux intelligences les plus noblement indulgentes, qu'à ce petit, bien petit nombre d'élus dont on aimerait à être entendue, dont le suffrage console, dont la bienveillance rend heureuse et fière. Et à qui donc, MADAME, s'adresserait-on si ce n'est à VOTRE MAJESTE, à Elle, la plus éminemment Femme d'entre toutes les femmes, la plus douce et la plus tendre, la mieux pensante et la plus richement douée en sentiments, en imagination, en bonté?.. La *souveraine*, MADAME, trouve partout des voix reconnaissantes et sincères pour dire ce qu'inspirent ses vertus, — moi, j'ose m'adresser en VOUS à la *Femme*... à l'âme, au *Cœur* qui m'ont été révélés par Vous-même dans ces trop rares mais si chères paroles que Vous avez toujours pour moi, et dont le souvenir me reste, sacré, et doux!.. Daignes, MADAME, agréer cet hommage de l'admiration la plus vraie et la plus respectueuse, — j'oserais dire aussi la plus tendre, — et